

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ИЗ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ПРОБЛЕМЕ ЮЛИЙСКОЙ КРАИНЫ

Судьбы славянского населения Юлийской Краины и вопрос о Триесте на долгое время приковали к себе внимание общественности во всех странах мира, а в Югославии, — кровно заинтересованной в скорейшем разрешении этой проблемы, — породили богатую научную и научно-публицистическую литературу, посвященную выяснению этнического состава населения Юлийской Краины, географии и экономике области. В этой литературе содержится много новых ценных сведений по истории и этнографии, приводятся данные о численности, национальном составе и географическом размещении населения. Значительная часть этого материала публикуется впервые и представляет особый интерес для этнографа, географа и историка. Большинство изданий снабжено хорошими подробными картами.

Ниже дается обзор наиболее интересных изданий, касающихся проблемы Юлийской Краины.

1. O ko Trsta. Redaktori dr. Viktor Novak i dr. Fran Zwitter. U sastavljanju ove knjige učestvovali su: general Lado Ambrožić, dr. Aleksandar Belić, dr. Lojze Berce, dr. Lavo Čermelj, Dušan Diminić, general Petar Drapsin, Drago Gervais, dr. Petar Jovanović, Milan Marjanović, dr. Anton Melik, dr. Mijo Mirković, dr. Viktor Novak, dr. Petar Skok, dr. Stanko Skerl, dr. Josip Vilfan, dr. Mirko Vratović, dr. Fran Zwitter. Beograd, Državni izdavački zavod Jugoslavije, 1945, 431 + 2 карты.

2. La Marche Julienne. Étude de géographie politique. Publications de l'Institut Adriatique. Sušak, 1945, 312.

3. Ive Mihovilić. Trst. Etnografski i ekonomski prikaz. Predgovor Dr. Ante Mandić. Nakladni zavod Hrvatske. Zagreb, 1946, 386.

4. Josip Roglić (Prof. de géogr. à l'Université de Zagreb). Le recensement de 1910. Ses méthodes et son application dans la Marche Julienne. Publications de l'Institut Adriatique. Sušak, 1946, 70 + 2 карты.

5. Lavo Čermelj, dr. Life-and-death struggle of a national minority (The Jugoslavs in Italy). 2-d edition, Ljubljana, 1945, 219 + 1 карта.

6. Д-р Лаво Чермель. Славянское меньшинство в Италии. Словенцы и хорваты в Юлийской Краине. Любляна, 1945, 64 + 1 карта.

7. Bogo Grafenauer, Ph. d. (Assistant in the University of Ljubljana). The Kanal Valley (ethnographical development). Ljubljana, 1946. Published by the Research Institute, Section for Frontier questions, p. 18.

8. Anton Melik (Prof. of Geogr. in the Univ. of Ljubljana). Gorica (The geographical basis of its foundation). Ljubljana, 1946. Publ. by the Research Institute. Section for Frontier questions, p. 21.

9. Autori Inglesi parlano sul problema della Regione Giulia. Fiume, 1946. Istituto per le ricerche della Regione Giulia, p. 63.

10. Verij Svajger. Trieste — Trst, Jugoslav or international? (Treatise about communications). Trieste, The Julian March Research Institute, 1946, 24 + 1 карта.

11. Dr. L. Trnjevski. Jugoslovenske manjine u inostranstvu. Beograd, 1938. Izd. Biblioteke «Narod i Država», p. 142.

1. Сборник «O ko Trsta» (о Триесте) представляет собой коллективный труд ряда выдающихся специалистов — знатоков географии, статистики, лингвистики, истории, экономики Юлийской Краины и Триеста. Читатель найдет здесь все необходимые сведения по этой области, но самое видное место занимает обстоятельный исторический обзор. К сожалению, в книге не указано авторство отдельных ее глав.

Первая часть ее — «Земля и человек». После краткого физико-географического

введения, из которого, между прочим, читатель видит, что Юлийская Крайна географически составляет часть Динарской горной системы, следует глава: «Антропо-географические особенности». Здесь кратко характеризуются географические условия расселения человека и исторически прослеживается формирование населения. «В течение тысячелетий Юлийская Крайна была пограничной страной» (стр. 44); исключение составляет только эпоха Римской империи. Это наложило отпечаток и на состав населения, и на культурный облик страны. Юлийская Крайна издавна играла и важную роль посредницы в экономических связях Средиземноморья с Центральной Европой, Аппенинскому полуострову с Балканским. Зато, будучи всегда окраиной, эта страна осталась по существу сельской, аграрной и слабо индустриализованной. В отношении культуры населения Юлийская Крайна является типичной переходной областью, где переплетаются элементы двух культурно-географических укладов: средиземноморского и континентального, характерного для Словении и западной Хорватии; оба эти уклада, выражающиеся особенно в типах построек, более или менее разграничены географически. Элементы средиземноморской культуры отнюдь не являются продуктом новейшего итальянского влияния; напротив, они автохтонны, ибо сама Юлийская Крайна есть часть той же Средиземноморской области, составляя одно целое с побережьем восточной Адриатики. Привесем том, по составу населения Юлийская Крайна представляет собой славянскую страну, где почти на всей территории живут словенцы и хорваты, тогда как итальянцы сосредоточены лишь на узкой пограничной западной полосе, главным образом в городах. Во второй небольшой части — «Триест и югославская экономика. Пула» — коротко, но убедительно показана тесная экономическая связь Триеста с Югославией, а также роль Пулы (Полы), как экономического центра Истрии.

Очень полезные сведения по статистике национальностей Юлийской Крайны даются в 3-й части сборника — «Национальная структура». Здесь мы находим краткое описание этнической итало-югославской (и фурлано-югославской) границы.

Эта граница начинается на северном берегу Триестского залива, между словенским Девином и итальянским по большинству населения Тржичем (Монфальконе), и идет к северо-западу, выходя на р. Сочу (Изонцо) около впадения в нее р. Випавы, а затем вверх по Соче, примерно до г. Горицы, а оттуда, уклоняясь на северо-запад и оставляя на итальянской стороне Лочник, Мошу, Коприву и Крмин, совпадает почти точно с географической границей между горами, где население целиком словенское, и равниной, населенной фурлано-итальянцами. Пересекая старую австро-итальянскую границу около с. Препотто, этническая граница идет по территории, которая с 1866 г. принадлежала Италии; эта область называется «Бенешской (Венецианской) Словенией» и делится на три округа, которые все населены словенцами: это долина рр. Надижи (Натисоне), Торре и Резьи. Последняя наиболее обособлена. Здесь опять словенцы живут только в горах. От Резьи этническая граница идет на север, примерно на Понтеббу, и вновь выходит на старую итало-австрийскую границу. Авторы сборника подчеркивают, что нельзя считать, как это часто делают, р. Сочу (Изонцо) этнической границей. Эта река служит этнической границей только на небольшом участке между устьем Випавы и Горицей; к югу от Випавы оба берега Сочи до ее устья населены итальянцами, а все течение средней и верхней Сочи, вверх от Горицы, целиком словенское (стр. 114—115). Следует, кстати, заметить, что не совсем правильно говорить об «итало-югославской» этнической границе. Итальянцы являются соседями славян только на южном участке этой границы, в низовьях р. Сочи; по всей остальной границе, от р. Випавы на север, славяне граничат не с итальянцами, а с фурланами (фруламами). Фурланы являются особой народностью, хотя и близкой к итальянцам и находящейся под сильным итальянским влиянием, но самостоятельной. Фурланский язык принадлежит к «рето-романской» ветви романских языков. Очень интересно, что описанная этническая граница является одной из самых старых в Европе. Славяне заселили горную область Юлийских Альп в VI—VII вв. и с тех пор стойко занимают эту область, не уступая чужеземному давлению. Словенские колонии существовали, правда, и далее к западу, в Фрульской равнине; они появились там в X в., и следы их доныне сохранились в топонимике. Но фурлано-итальянские поселения никогда не проникали в горы, которые всегда оставались и остаются славянскими (стр. 115).

Далее приводятся статистические данные о национальном составе Юлийской Крайны и ее отдельных областей. Источниками этих данных служат официальные переписи. Но к ним надо относиться с большой осторожностью. Итальянские переписи 1931 и 1936 гг. вообще не дают никаких сведений ни о национальности, ни о языке населения, ибо по фашистским законам все подданные Итальянского королевства считались официально итальянцами. Более ранняя перепись 1921 г. дает сведения о национальном составе, но эти сведения весьма неточны, ибо сильно преувеличивают численность итальянского элемента в ущерб славянскому. Правда, в Горице, Бенешской Словении и вообще в Словенском Приморье итальянская перепись 1921 г. дала относительно правдоподобные результаты; но зато в Триесте и Истрии имела место прямая фальсификация фактов со стороны итальянских чинов-

ников — агентов переписи. Достаточно привести один пример: в селе Мошченице в Истрии, которое по данным 1910 г. было чисто хорватским, итальянские статистики в 1921 г. записали из 3 060 жителей всего 16 хорватов и словенцев, т. е. около 0,5%, остальные были записаны «итальянцами». (стр. 116).

Австрийская перепись 1910 г. считается обычно более надежным и солидным источником для национальной статистики. Итальянцы даже утверждают, что эта перепись дала результаты, слишком благоприятные для славян. Но это неверно. Материалы переписи 1910 г. тоже искажают факты национального состава Юлийской Краины, преувеличивая удельный вес итальянского элемента. Дело в том, что австрийские переписи вообще регистрировали не национальность, а «общий язык» (Umgangssprache). А этим общим языком в пограничных и зачастую двуязычных областях Юлийской Краины, особенно в городах, был итальянский. Многие словенцы и хорваты, вынужденные в своих деловых сношениях, в торговле, в учреждениях пользоваться итальянским языком, причислялись к итальянцам. Сверх того, при самом проведении переписи, которую производили, особенно в городах, итальянские муниципальные чиновники, имели место нередко прямые злоупотребления. Если, например, опрашиваемое лицо отвечало по-итальянски на заданный ему на этом языке переписчиком вопрос, то этого нередко было достаточно, чтобы в переписной бланк вносилась отметка «italiano».

Поэтому в материалах переписи 1910 г. встречаются прямые курьезы. Например, в деревне Крмед (ок. Ровиньо в Истрии), где все население чисто хорватское, в 1910 г. зарегистрировано 296 итальянцев и всего 6 хорватов. В с. Матерада было насчитано всего 49 хорватов, между тем как в этом селе хорватскую школу посещало около 100 детей. На о-ве Лошинь в с. Нерезине все население поголовно было записано как итальянцы. Когда после этого власти открыли там итальянскую школу, то оказалось, что ни один из учеников не понимает, что говорит итальянский учитель. Школу закрыли, и на ее место открыли хорватскую (стр. 118).

Несмотря на эти явные несообразности, приходится пользоваться, за неимением лучших, данными переписи 1910 г., внося в нее по мере возможности поправки.

В сборнике приводятся далее, с этими оговорками, сведения о национальном составе Юлийской Краины по отдельным областям. Наиболее интересен, но и наиболее сложен вопрос о национальном составе Триеста. Этот город расположен на чисто славянской этнической территории. В окрестностях его и во всей округе — почти поголовно славянское население. Население самого города смешанное. В центральных кварталах преобладают итальянцы, на окраинах словенцы. Но дать точные цифры численности национальностей для Триеста трудно. Перепись 1910 г. из общего числа жителей 229,5 тыс. насчитала вначале только 36,2 тыс. славян, но после жалоб славянского населения на допущенные итальянским муниципалитетом вопиющие злоупотребления была проведена ревизия переписи, и число славян увеличилось до 59,3 тыс.; это составило всего 25,9% всего населения. Однако фальсификация была исправлена лишь частично. Целый ряд косвенных данных, в особенности данные о парламентских и общинных выборах, свидетельствуют о том, что славян в Триесте было в то время значительно больше — вероятно, около 80 тыс. (стр. 122—127). Не менее сложны национальные отношения и в Истрии. В целом хорватско-словенское население там, даже и по данным 1910 г., преобладало (51,7% славян, 39,3% итальянцев). Но распределение обеих национальностей неравномерно. Итальянское население Истрии не только не имеет территориальной связи с основной областью расселения итальянцев, но и в самой Истрии не занимает компактной территории, а разбросано отдельными островками, сосредоточиваясь главным образом в городах западной части полуострова. Из 468 кадастральных общин Истрии итальянцы составили в 1910 г. большинство в 79, а славяне в 397. Из 145,8 тыс. итальянцев Истрии 91,5 тыс. было сосредоточено в 17 городах. Напротив, славянское население (193,8 тыс.) расселено единым сплошным массивом, окружая и изолированные итальянские островки (стр. 127—129). Даже западное побережье не сплошь заселено итальянцами, ибо славянские поселения выходят на побережье не меньше как в семи местах (стр. 130). В сборнике приводятся таблицы численности национальностей по общинам по переписям 1910 и 1921 гг. (стр. 141—162).

Последняя и самая обширная часть сборника, составляющая почти две трети его объема (264 стр.), — это «Прошлое Юлийской Краины». В краткой рецензии невозможно изложить содержание этого обширного исторического очерка. Ограничимся перечнем его глав: 1) Древняя эпоха, 2) На развалинах старой империи, 3) Лингвистические и топонимические объяснения, 4) В средние века, 5) Средневековое культурное развитие хорватов и словенцев, 6) Новая эпоха, 7) От революции 1848 г. до первой мировой войны, 8) Первая мировая война, 9) От мирной конференции до Рапалло и Неттунских конвенций, 10) Югославское меньшинство в Италии, 11) Последние расчеты. Отдельные места этого исторического очерка представляют особенно большой интерес. Очень интересны, например, данные о распространении в прошлом славянского элемента далеко на запад от современной

этнической границы. Славянские названия встречаются до настоящего времени по всей Фриулии не только до р. Тильмента (Тальямента), но и к западу от нее, до самой Ливенции, хотя эти названия в большинстве, естественно, итальянизированы или фуэрланизированы. Здесь мы видим, например, названия: Gradisca, Noacco (Novaki), Uanis (Ivanic), Poianes (Poljane), Planina, Belgrada, Jesernic (Jezernik), Grobies (Grobija), Lipe, Sclavons, Sclavagnescis и пр. (стр. 183—189).

Представляют также немалый интерес главы, посвященные культурному развитию края. Любопытны культурные взаимоотношения обеих основных национальностей Юлийской Краины. Были времена, когда существовало благотворное сотрудничество и здоровое соревнование между славянами и итальянцами (особенно в эпоху Реформации: словенец Трубар, итальянцы Бономо и Верджерио). Но в последнее время, с ростом итальянского ирредентизма, преобладала национальная рознь: итальянские националисты подозрительно и враждебно смотрели на культурные успехи славян. Самих себя итальянцы всегда рассматривали как носителей более высокой культуры. Отрицать высокую культуру итальянского народа, конечно, нельзя. Но замечательно, что именно в Триесте, Истрии и вообще в Юлийской Краине творческие силы итальянцев были очень невелики и достижения их незначительны. Может быть, это объясняется тем, что культурные силы итальянцев бесплодно тратились на национальную борьбу,—но, как бы то ни было, можно назвать очень малое выдающихся деятелей литературы, науки и искусства из юлийских итальянцев: историки Россетти, Кандлер, Хортис — наиболее крупные из них. Напротив, славянское население Юлийской Краины, в своей вековой борьбе за культуру и свободу выдвинуло немало видных деятелей науки и литературы. Многие из «итальянских» писателей и ученых были в действительности тоже славянами по происхождению: Кавичч, Томиинц, Маруссинг, Дудович, Метликович, Ступарич, Бенко, Слатап (стр. 313—322) и др.

В новейшее же время, после первой мировой войны, а особенно после прихода фашизма, началось настоящее преследование итальянцами славянской культуры. Уничтожение славянских школ, домов культуры, типографий, просветительных учреждений, книг и газет, запрещение словенского и хорватского языков, систематический и сознательный разгром всех культурных сил славянского населения — вот «культурная политика» итальянцев в Юлийской Краине после 1918 года.

2. Содержание сборника «La Marche Julienne», изданного Адриатическим институтом, во многом повторяет «Око Trsta». Однако изданный на французском языке он более доступен европейскому читателю. В книге собран большой и серьезный проработанный материал, убедительно показывающий законность требований народа Юлийской Краины о воссоединении со своими соотечественниками в Югославию. Сборник состоит из трех частей. Первая из них, составленная зарубежным профессором Рогличем, содержит общий географический и антропогеографический очерк Юлийской Краины с общими статистическими сведениями. Автор хорошо показывает, что Юлийская Краина составляет экономически неделимое целое. Она состоит из двух основных хозяйственно-географических зон: приморской юго-западной и гористой северо-восточной; первая более богата и промышленно развита, вторая характеризуется разведением скота и лесными ресурсами. Одна часть без другой существовать не может, и перерезать ее живое тело политическими границами есть преступление.

Подвергая далее серьезному критическому разбору статистические данные о национальном составе Юлийской Краины, проф. Роглич приходит к выводу, что в этой стране в 1910 г. жило 650 тыс. югославов и около 250 тыс. итальянцев (стр. 69). После всех пертурбаций, последовавших с начала первой мировой войны, численность югославов понизилась, но и сейчас их не меньше 600 тыс. (стр. 70), что признают и беспристрастные исследователи (проф. Мэрц, 1933) и даже сами итальянцы (Alm. passo Italiano, 1938). И это славянское большинство составляет коренное, исконное население страны, тогда как итальянское меньшинство, живущее главным образом в городах, состоит из элементов в значительной мере пришедших («regnicoli» — выходцы из коренной Италии), а частью представляет собой итальянизированных хорватов и словенцев (стр. 71—74).

Во второй части дается обстоятельный историко-этнографический и экономический обзор отдельных областей Юлийской Краины: Истрии, Риеки (Фиуме), Триеста, Горичи, Венецианской Слоveniи. Авторы этой части — Ройнич, Майкснер, Миховилевич, Изеша. Особенно интересен исторический очерк Истрии, где прослеживаются и политические и культурные судьбы этого полуострова и, между прочим, очень убедительно доказывается исконно и глубоко славянский состав его населения.

В культурном развитии истрийских славян большую роль сыграла глаголическая письменность, которая давала им известную независимость от римской церковной иерархии и связывала их с их зарубежными соотечественниками.

В третьей части проф. Лаво Чермель останавливается на положении славянского населения, попавшего под гнет Италии. Итальянцы не скупались вначале на обещания, торжественно гарантируя своим славянским подданным всяческую свободу. Но

они скоро забыли о своих обещаниях и установили в Юлийской Крайне режим террора и самого зверского национального угнетения. Ни о какой свободе, ни о национальных правах не было и речи. Автор приводит факты самых возмутительных зверств, совершавшихся итальянскими националистами в Юлийской Крайне еще до прихода фашистов к власти, в 1920—1922 гг.

3. Книга Миховиловича «Трст» более однородна по своему содержанию. Она посвящена в основном г. Триесту. Автор подробно прослеживает историю города, тщательно выясняя состав и происхождение его населения. Хотя он, повидимому, не пользовался архивными источниками, но зато широко использовал разнообразные литературные материалы. Автор очень тщательно показывает происхождение того итальянского элемента, который сейчас составляет большинство населения города. Очень значительную часть его образуют выходцы из разных национальностей, постепенно итальянизированные, а в числе их на первом месте стоят словенцы и хорваты — основное население окружающей город территории. «Больше половины триестинских итальянцев носят типичные словенские или хорватские фамилии» (стр. 25). В этом легко убедиться, просмотрев любую справочную или телефонную книгу по Триесту. Автор умело подкрепляет свои выводы свидетельствами иностранных исследователей и самих итальянцев. «Мы не приходим непосредственно от семей, которые боролись и торговали 500 лет назад в Триесте... — писал итальянец Руджеро Фауро в 1914 г. — 240 тысяч перепешных триестинцев не происходят от 5 тысяч триестинцев, которые жили в Триесте два столетия тому назад. Мы пришли со всех стран, оторванные от других народов ассимиляцияй». Англичанин Тэйлор подчеркивает, что по австрийской анкете 1915 г. «более половины населения Триеста славянского происхождения» (стр. 25). Миховилович прослеживает далее историю национального движения славян в Триесте, начиная с основания в 1848 г. «Славянского друштва» (позже «Славянска читальница») и выхода в 1849 г. первой газеты «Славянски родолоб» (впоследствии «Ядрански Славия») и вплоть до разносторонней и энергичной деятельности Народного Дома, главного культурного центра славянского населения Триеста в годы первой мировой войны. Этот Народный Дом был разгромлен и сожжен итальянскими националистами в 1920 г. (еще до фашистов!). Итальянцы были вообще встревожены культурными успехами славян и ростом славянского элемента в Триесте. Тот же Руджеро Фауро писал в 1914 г. с наивным цинизмом: «Нужно убедить и славян в том, что они поступают несправедливо, переселяясь в Триест, и что во имя уважения к справедливости (!) они должны были бы оставаться среди скал Карста и сажать картофель» (стр. 36). Напротив, иммиграция в Триест выходцев из Итальянского королевства («regnicoli») всячески поощрялась. «Рабочие из Королевства теперь являются важнейшим орудием итальянской этнической обороны Триеста... каждый «реньиколо» занимает теперь место, которое иначе занял бы славянин» (стр. 45). И действительно, эти «реньиколы», недавние переселенцы из Италии, составляли значительный процент итальянского населения города. В борьбе нарождавшаяся и укреплявшаяся национальная словенско-хорватская интеллигенция. Итальянец Гайда в 1914 г. с тревогой писал: «Появилась славянская буржуазия, культурная, умная, которая дисциплинирует словенское движение, дает ему тон и живой дух. Прежде в Триесте были словенцы привратники, домашняя прислуга, продавцы овощей и молока, портовые рабочие... Потом стали приходить все большие массы крестьян — рабочих и населили целые кварталы... Затем появились славянские государственные чиновники всех рангов, торговцы, адвокаты, врачи, которые стали организовывать словенскую общину, прежде безымянную, и которые сделали из нее автономное замкнутое содружество, заботящееся только о себе, со своими средствами, со всеми своими потребностями, от пекарни до банка, и отвергающее зависимость от итальянцев» (стр. 47—48).

К началу первой мировой войны славяне в Триесте достигли своей «кульминации». Это видели и друзья и враги славян. Генрик Тума, словенский социалист, писал в 1907 г., что экономические силы итальянцев в Триесте заметно истощаются. «Растет славянский капитал в торговле и в промышленности, в мелком и крупном обороте и в банках, вопреки тому, что итальянцы до конца XIX в. были единственными представителями экспортной торговли... Они неспособны удержать свое господство. Итальянство в Триесте несет внутри себя семя упадка. Отдельные шовинистические всплески итальянской национальной страсти в Триесте суть не что иное, как гаснущее пламя» (стр. 76). Слатепер же (1914) отмечал, что внутри итальянского Триеста зарождается новый город, уже не космополитический, как это было в XVIII в., а славянский (стр. 77). На «славянскую опасность» указывали с тревогой итальянские публицисты того времени: Вирджинию Гайда, Луиджи Барцини, Руджеро Фауро, Марио Альберти и др.

Миховилович разбирает данные статистики национальностей в Триесте. Эти данные, в результате применения принципа «Umgangssprache», сильно преуменьшили действительную численность славянского населения Триеста. Это опять-таки признавали и более добросовестные из итальянских авторов. Например, для словенских рабочих на итальянской фабрике, словенских продавцов в итальянском магазине, словенской прислуги у итальянских хозяев «обиходным языком» обычно оказывался итальянский, и таких случаев было очень много. Миховилович считает, что в 1910 г. численность

словенцев и хорватов в Триесте была фактически свыше 80 тыс., а численность итальянцев вместе с фулланами — меньше 100 тыс. (стр. 54).

Очень серьезный очерк посвящает Миховилович истории экономического развития Триеста как портового города. До первой мировой войны Триест переживал быстрый рост в качестве главного порта Австро-Венгрии. В 1912 г. он стоял по грузообороту на десятом месте среди европейских портов, обогнав Барселону, Амстердам, Венецию, Бордо и ряд других старых и крупных портов (стр. 118). Процветание Триеста было вызвано его связью с обширным хинтерландом, каковым были страны Дунайского бассейна, и в первую очередь — земли, населенные словенцами и хорватами. На словенско-хорватские земли приходилось свыше 50% железнодорожного оборота Триеста. Что касается Италии, то она не играла сколько-нибудь заметной роли в товарообороте Триеста (стр. 151, 152 и др.). Таким образом, идея аннексии Триеста, с которой носились еще до первой мировой войны немногочисленные итальянские ирредентисты, резко противоречила экономической реальности и экономическим интересам самого Триеста. Это видели все более трезвые и дальновидные деятели среди самих итальянцев, и в прежние и в новое время. Доменико Россетти, виднейший из этих деятелей, первый борец за итальянскую национальную идею (1-я половина XIX в.), ясно видел, что благосостояние Триеста возможно только в границах тогдашней Австрии (стр. 162—163). Пачифико Валусси, не менее горячий итальянский патриот, писал в 1848 г. об итальянцах Триеста, что «они чувствуют себя итальянцами в душе, но их коммерческие интересы направлены по преимуществу к северу» (стр. 163). Пьетро Кандлер тогда же заявлял, что «сохранить этот город, как рыночный центр заданьянских провинций, — вот долг любви к этой стране, перед которым все другое второстепенно» (стр. 164). Из позднейших итальянских публицистов решительно выступал против «адриатического ирредентизма» Шипио Слатапер, Анджело Виванте, Чезаре Комби и др. Вот почему ирредентистская идея никогда не была популярна среди итальянцев Триеста. Даже ярый ее сторонник Марио Альберти признавал, что сторонников ирредентистского движения до первой мировой войны в Триесте было мало. По его подсчетам, — не больше 5 000 из четверти миллиона населения, но и из них активных и сознательных ирредентистов было не больше 10%, т. е. около 500 человек. Подавляющее большинство итальянцев видело или смутно чувствовало, что их экономические интересы требуют связи с тем хинтерландом, который тогда был под властью Австрии. Итальянцы Триеста были поэтому в большинстве против отделения от Австрии. «Они были за то, — правильно говорит Миховилович, — чтобы остаться в том государстве, которое является хозяином природного триестинского тыла. В то время это была Австрия. Они были австрофилы не ради Австрии, а потому, что Австрия была государством, вмещавшим в свои границы Триест и его жизненное пространство. Они бы связали себя и с каким-либо другим государством, лишь бы это было государство в тылу триестинской гавани. Они не были за Италию, потому что Италия не была и не могла быть таким государством» (стр. 171). Теперь же так или иначе государством является Югославия. Но итальянская ирредента была совершенно глуха к доводам экономики и здравого смысла. Вразрез с очевидными интересами Триеста она требовала присоединения его к Италии. На справедливые возражения о неизбежном экономическом упадке Триеста в случае его перехода в руки Италии отчаянные головы ирредентизма отвечали: «Пусть трава растет на берегах Триеста, но мы хотим Италию» («Cresca l'erba sulle rive di Trieste, ma vogliamo l'Italia») (стр. 179). Другим же, пытаясь выпутаться из затруднения, забывали всякую меру и требовали присоединения к Италии не только Триеста, но и Риеки (Фiume), Хорватского приморья и Далмации! Что же, они были по крайней мере последовательны (стр. 179—186). Автор анализирует затем экономическое положение Триеста в те годы (1918—1944), когда он все-таки оказался, вопреки здравому смыслу, под властью Италии. Это был период застоя и упадка, в особенности в части товарооборота. За годы между двумя войнами грузооборот порта Триеста так и не смог достичь уровня 1913 г. (тогда как грузооборот Венеции, например, вырос на 60%), а железнодорожный оборот заметно сократился (стр. 215, 236 и др.).

Последние главы книги посвящены обстоятельному анализу взаимоотношений Триеста с Югославией. Автор показывает, что и экономически и политически будущность Триеста тесно связана с Федеративной Народной республикой Югославией.

4. Книга профессора Загребского университета Иосипа Роглича «Перепись 1910 г., ее методы и ее применение в Юлийской Крайне» — только на первый взгляд посвящена узкому и специальному вопросу, в действительности же ее содержание представляет общий и широкий интерес. Австрийская перепись 1910 г. является последней по времени официальной и более или менее общепризнанным источником статистических сведений о населении Юлийской Крайны, в том числе и о его национальном составе. Как уже говорилось выше, итальянцы нередко обвиняют перепись 1910 г. в том, что ее якобы пристрастия к славянам. В действительности перепись 1910 г., несомненно, преувеличивает численность итальянского элемента в Юлийской Крайне. Вот этот-то вопрос и разбирает проф. Роглич в своей книге самым подробным образом. В общем введении автор разбирает принципы определения национальности во время переписи населения. Он наглядно показывает всю непригодность принципа «обиходного языка» (Umgangssprache), применявшегося в австрийской официальной статистике с 1880

Этот принцип был введен умышленно с целью дать перевес господствующей народности, в первую очередь немцам. Но в Юлийской Крайне «обиходным языком», в особенности среди двуязычного и смешанного населения, был итальянский язык, бывший здесь издавна (со времени Венецианской республики) языком мореходства и торговли. Все серьезные исследователи и публицисты, писавшие по этому вопросу, указывали на это преимущество, дававшееся итальянцам. Об этом говорили видный австрийский чиновник и статистик Черниг младший, немецкий профессор Нюрберт Кребс, итальянцы Виванте, Лучинани и др.

Итальянское меньшинство Юлийской Крайны, экономически сильное и покровительствуемое властями, принимало все меры для ассимиляции славянского населения, т. е. для распространения итальянского языка. Итальянизация шла через школу, через государственные учреждения и иными путями.

Анализируя затем данные переписи 1910 г., автор показывает и на цифрах, и на свидетельствах очевидцев, что эти данные преуменьшили численность славянского элемента. Помимо того, что самый принцип «Umgangssprache» давал несправедливые преимущества итальянцам, недобросовестные чиновники-переписчики иногда еще более искажали действительность в их пользу. Роглич приводит ряд фактов этого рода. Достаточно привести один: «В петиции, адресованной провинциальному управлению Триеста хорватскими лидерами (острова) През, фигурируют 179 семейств, записанных при переписи как пользующиеся итальянским обиходным языком, тогда как ни один из членов этих семейств не говорил по-итальянски» (стр. 35). Поэтому проф. Роглич считает необходимым корректировать данные переписи 1910 г. при помощи других, более надежных сведений. Для г. Триеста он пользуется, например, данными парламентских выборов. В выборах 1900 г. из 151 тыс. жителей Триеста считалось 35 тыс. выборщиков, но из них голосовало только 19,4 тыс., в том числе 8,4 тыс.—за славянских кандидатов и 10,7 тыс.—за итальянских. Учитывая воздержавшихся от голосования, Роглич приходит к выводу, что число славянских выборщиков должно было соответствовать 66,5 тыс. населения, а итальянских—76,5 тыс. Невероятно, чтобы итальянцы голосовали за славянских кандидатов, тогда как, напротив, на некоторых славяни—рабочих или домашнюю прислугу могло быть оказано давление их хозяевами—итальянцами. Применяя тот же метод вычисления, Роглич устанавливает, что в 1911 г., когда при выборах за славянских кандидатов было подано 13 486 голосов, а за итальянских—12 337 голосов (не считая отдельного социалистического списка с 6 106 голосами), в городе должно было быть около 83 тыс. словенцев и хорватов и 117 тыс. итальянцев (стр. 43—44). Эти расчеты подтверждаются и другими косвенными данными. Частные обследования, производившиеся в те годы в Триесте, дали приблизительно цифры населения города: 80 тыс. югославов и 98 тыс. итальянцев (стр. 44). В целом проф. Роглич приходит к выводу, что Юлийская Крайна «является славянской этнической территорией». Итальянцы, сосредоточенные в городах, не имеют своей этнической территории в этой стране. Роглич цитирует слова итальянца Анджемо Виванте: «Итальянцы Джулини... не обладают и не обладали, помимо одной полоски в нижней Фриулии, компактной национальной территорией» (стр. 58).

В заключении автор останавливается на проблеме «автохтонного» и «чужеродного» населения. Итальянские националисты любят называть славян «чужеродцами» (*alloreni*), а себя считают коренным населением. «Идите в Любляну, в Загреб, в ваш дом»,—кричат они славянам. «Мы хотим быть хозяевами в своем доме» (стр. 63). Кто же в действительности хозяин и кто пришелец? Проф. Роглич показывает на свидетельствах исторических источников, что славяне в Юлийской Крайне живут с VI—VII вв. Средневековые тексты изобилуют выражениями: «*Istria eadem patria Chrovat*», «*Istria hodie Schlavonia dicta*», «*Istri hodie Schlavi sunt*» и т. д. Что касается итальянского населения, то лишь очень небольшую его часть—в юго-западной Истрии—составляют остатки древнего романсизированного населения («истриоты»), большинство же—это либо потомки венецианских колонизаторов, либо недавние выходцы из Италии (*regnicoli*), либо, наконец, итальянизированные славяне. «Таким образом, за исключением очень небольшого числа, итальянцы суть, как правило, иммигранты, сравнительно недавние среди славянских автохтонов» (стр. 68).

К книге Роглича приложены две подробные этнографические карты Юлийской Крайны, составленные по данным переписи 1910 г.

5—6. Работа д-ра Лаво Чермеля о положении славянского национального меньшинства в Италии представляет собой ужасающий обвинительный акт против итальянских националистов. Русское издание книги составляет сокращенный перевод с английского оригинала. Вот ее краткое содержание.

В первой главе даются краткие сведения о территории и населении Юлийской Крайны, во второй—ее правовое положение в связи с переходом под власть Италии: последняя давала торжественные обещания уважать права своих славянских подданных. Но как она выполнила эти обещания!

К политической деятельности славянского население совершенно не допускалось и представительства в парламенте было лишено (гл. 3). Славянские школы, существовавшие ранее (их было в Юлийской Крайне в 1913 г. 488 с 942 классами и 46,7 тыс. учащихся), начали закрываться с первых же лет итальянской власти, еще до фаши-

стов, а после так называемой «школьной реформы Джентиле» (фашистского министра просвещения) их закрыли все до одной (гл. 4). Начались гонения на словенский и хорватский языки, которые не только были совершенно запрещены в суде и учреждениях, но даже на улице, в трамвае, на рынке было небезопасно говорить по-хорватски или по-словенски (гл. 6). С государственной службы были под тем или иным предлогом устранены все чиновники славянского происхождения; эта чистка распространилась и на моряков торгового флота (гл. 7). Что касается славянских общественных организаций, клубов, научных, художественных и просветительных обществ и пр., то их фашисты кое-как терпели в первые годы, но к 1928 г. распустили, а имущество их было конфисковано (гл. 8). Вся славянская печать, газеты и журналы, типографии, библиотеки — все это постепенно было уничтожено; этот разгром славянской печати был закончен к 1930 г. (гл. 9). Одним из средств подавления славянского национального меньшинства была принудительная италиянизация местных названий, а также личных имен и фамилий. Последнее делалось самым бесцеремонным образом. Одним взмахом пера Милан, Слава, Данило, Людмила превращались в Эмилио, Фаустину, Джордано, Люциану и пр. Антич становился Анти или Антони, Иветич — Джанетти или Ветти (гл. 10). Преследование всего славянского распространилось и на церковь. Славянский язык был категорически запрещен в богослужении, в церковных книгах и в преподавании религии. Словенское и хорватское духовенство было изгнано или терпело преследования (гл. 11). Экономическая политика фашизма была нарочно рассчитана на то, чтобы разорить словенского или хорватского крестьянина, заставить его продать свой участок земли и эмигрировать либо превратиться в батрака или арендатора. Всего за годы итальянской власти из Юлийской Краины было вынуждено эмигрировать до 100 тыс. словенцев и хорватов, из них более 70 тыс. выехали в Югославию (гл. 12). Далее автор рассказывает о фашистском терроре в Юлийской Краине. Террор начался, собственно, еще в дофашистские годы: еще в 1920 г. в Триесте был сожжен террористами славянский Народный Дом; позже в стране воцарился режим полного беззакония и самоуправства фашистских банд (гл. 13), полицейского произвола и системы депортаций — административных высылков (гл. 14), чрезвычайных судов (гл. 15).

Автор, очевидно, прав, предполагая, что нигде в Европе национальное меньшинство не подвергалось такому жестокому гнету, как именно славяне под властью Италии (стр. 211). Первое издание книги, вышедшее в 1936 г., в разгар фашистского террора, представляло собой крик о помощи его жертвам. Во втором издании автор внес лишь несколько дополнений. Оно очень своевременное, ибо над частью населения Юлийской Краины вновь нависла угроза попасть под власть своих прежних поработителей.

7. Небольшая брошюрка Б. Графенауэра о Канальской долине полезна тем, что она дает необходимые сведения об истории колонизации этого самого северного района Юлийской Краины, составляющего в то же время часть Южной Каринтии (Корушки). Славяне здесь живут с VI в. Они составляют часть каринтийских словенцев («виндов»). В XV в., в связи с торговыми сношениями между Веной и Венецией, в Канальской долине появляются немцы. Словенцы и немцы (австрийцы) и составляли до недавнего времени все население долины: в общинах Липала Вес, Укве, Жабница преобладали словенцы, в остальных четырех общинах — немцы. Итальянцев до 1918 г. в Канальской долине не было совершенно. Но когда данный район («округ Тарвизио») попал под власть Италии, она начала усиленно заселять его итальянскими колонистами. Последние теперь составляют большинство населения, но это — постоянное и случайные элементы, не имеющие никаких прав на территорию.

8. Брошюра Антона Мелика «Горица» написана в другом стиле. Это — небольшой очерк географических условий, определяющих положение г. Горицы как естественного и экономического центра для окружающей территории, славянской по составу населения. Автор хорошо показывает невозможность отделить Горицу от ее сельской территории.

9. В брошюре «Autori inglesi parlano sul problema della Regione Giulia» приведены в итальянском переводе две статьи английских ученых: лондонского профессора Муди и оксфордского профессора Тэйлора. Первый из этих авторов дает краткий исторический очерк итало-югославской границы. Этот очерк он заканчивает следующими словами: «Со времени своего прихода в эту страну в VI в. и вплоть до 1919 г. словенцы не принимали никакого участия в установлении границ территории, которая им принадлежала в течение веков, пока они здесь обитали. Их участь была участь пассивных зрителей, в то время как их более сильные соседи или завоеватели делили их землю и проводили границы сообразно со своими частными интересами» (стр. 20). Автор надеется, что теперь, наконец, будет иначе и что будущие границы определятся не правом сильного, а более серьезными соображениями.

Вторая статья принадлежит проф. Тэйлору и называется «Триесте или Трст?». Автор доказывает, что и с точки зрения этнической, и экономически, и в смысле международного права претензии Югославии на Триест являются вполне законными.

10. Тот же тезис доказывается и в брошюрке Верня Швайгера «Триесте — Трст», но лишь с одной точки зрения, с транспортно-экономической. Автор на основании цифр показывает, что включение Триеста в состав Югославии обеспечивает ему экономическое преуспеяние, тогда как, напротив, интернационализация города привела бы к его упадку и обеднению.

11. Последняя книжка — «Югославское меньшинство за границей» д-ра Тригорского — стоит несколько особняком, так как издана раньше (1938), но она посвящена той же проблеме. В книге приводятся краткие, но полезные сведения — географические, исторические, статистические — о югославском населении в Италии, а кроме того в Германии (Австрии), в Венгрии, в Румынии, в Греции, в Албании и в Турции. Приложенная небольшая этническая карта Юлийской Краины (стр. 15), к сожалению, не очень точна.

Вся эта серия книг по проблеме Юлийской Краины представляет собой хотя неравноценный, но в общем весьма полезный материал, на основании которого можно составить себе ясное представление о существе разногласий и убедиться в правоте дела, за которое борется славянское население Юлийской Краины.

С. А. Токарев

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Х. Вакарелски. *Насоки за събиране етнографски материали*. София, 1945, 16.

Рецензируемая брошюра представляет собой краткое наставление сотрудникам Этнографического музея в Софии при их полевой работе. Не являясь обычного типа программой, наставление это содержит ряд полезных для всякого этнографа указаний. Всю область культуры автор делит на «вещественную», «словесную» и «общественную». Словесная культура, по определению автора, включает все проявления устного творчества народа. Говоря о собирании и изучении народных песен, автор подразделяет их на праздничные, трудовые, обрядовые и хороводные. Выделяет автор юнацкие песни, а среди них — юнацкие песни времен борьбы с Турцией, четнические песни периода македонского революционного движения и партизанские песни периода второй мировой войны. Особое внимание обращает автор на изучение народной магии, характерные черты которой проявляются в народной медицине, клятвах, заклинаниях, благопожеланиях. В области общественной культуры автор выделяет группу правовых и моральных отношений в семье: между родителями и детьми, братьями и сестрами, супругами, пожилыми членами семьи. Из поля зрения автора выпадает, однако, комплекс отношений между более отдаленными родственниками по мужской и женской линии. Говоря о морально-правовых межсоседских отношениях автор останавливается на отношениях при совместном пользовании землей и угодьями, на обычаях общинного управления, частных правах и привилегиях. Указывая на необходимость исследования отношений между отдельными членами, автор обращает внимание на тщательное изучение границ владений, характера и причин вражды между селами. К области общественной культуры Х. Вакарельский относит также совокупность обрядно-магических процедур, бытующих в семье (обычай при рождении, при первой самостоятельной работе, при вступлении в брак, обряды, сопровождающие смерть и погребение), народные религиозные обычаи общинного характера, как то: курбан, молебны о дожде, календарные обряды, обычаи и обряды, сопровождающие начало и завершение хозяйственных работ. Третий раздел своего руководства автор посвящает материальной («вещественной») культуре.

В заключение автор обращает внимание начинающего исследователя народного быта на обязательность точной записи собираемого материала, указание времени и места сбора материала, характеристики лица, давшего сведения; при собирании обрядов и обычаев следует не ограничиваться простым описанием их, но приводить и их народное осмысление.

И. Прокопович

Hutton Webster. *Taboo. A sociological study*. Stanford University, California, 1942, 378.

Труд американского исследователя Хэттон Вебстера — объемистая монография, посвященная одному из самых значительных и сложных явлений первобытной культуры — табу. Вебстер — автор ряда работ по вопросам ранних социальных отношений, обычного права и религии (первая вышла в 1908 г.). Автор не ограничивается рассмотрением табу в этнографическом, историческом и психологическом аспектах, а поставил своей целью «показать, какое значительное место занимает табу в культурной эволюции человечества». Дав определение термина и изложив его историю в науке, автор прослеживает табуации в отдельных жизненных комплексах первобытного общества: в области сексуальных отношений, болезни и смерти, отношений к необычному, к чужеземцам, к священным лицам и вещам; две последние главы описывают табу